

Лица эпохи

Евгений Александрович Загуменов, 19.02.1929 г.р., родился в дер.Ново-Никольск, Агрызского района Татарской АССР, награжден медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов», «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И.Ленина», юбилейными медалями. Неоднократно поощрялся Генеральным прокурором РФ и прокурором УР, присвоено звание «Заслуженный юрист РСФСР». В органах прокуратуры с сентября 1960 года. Работал в должностях: старший следователь прокуратуры г.Ижевска, старший следователь прокуратуры УАССР (1962–65 гг.), заместитель начальника следственного отдела прокуратуры УАССР (1965–79 гг.), начальник следственного отдела прокуратуры УАССР (1979–83 гг.), начальник следственного управления – заместитель прокурора Удмуртской АССР (1983–89 гг.). Уволен в 1989 году в связи с уходом на пенсию.

Когда судьба соединяет две жизни в одну и на протяжении многих лет хранит эту связь, может произойти удивительное человеческое таинство – рождается то, что удобно назвать «общей душой» двух любящих людей. Это «духовное существо» трудно описать – легче почувствовать.

Не в каждой семье происходит такое рождение, но если оно случается – можно ли назвать это счастьем? Для людей, не испытавших подобного, все слова о «двуединой душе» (да и вообще о душе) могут показаться в лучшем случае поэтическим преувеличением, вымыслом, нелепой мистической выдумкой, для тех же, кто может тонко чувствовать невидимую человеческую сущность, душа – это реальность, почти такая же убедительная, как грубые вещи физического мира. Наверное, большинство из нас не принадлежит ни к первым, ни ко вторым, мы – где-то между. И когда во время общения с Евдокией Емельяновной Загуменовой, слушая рассказ о жизни и ее муже, почти сам собой возник вопрос о том, чувствует ли она это общее поле эмоций, мыслей, настроений, что соединяло их при жизни, она просто и быстро ответила:

– Да.

– Вот уже четыре года прошло со дня смерти Евгения Александровича, но я каждый день вспоминаю его, разговариваю с ним, вижу во сне, и создается иногда такое впечатление, что он каким-то образом слышит меня. На могилке прошу его: «Подожди... Наталья (внучка) маленькая еще, надо ее вырастить. Вот тогда уж...» А как-то раз очень ясно услышала, как зовет он меня по имени.

Мы вообще очень хорошо чувствовали друг друга. Да что об этом долго рассказывать, когда

даже самый последний гипертонический криз, приведший Евгения Александровича к смерти, я ощутила на расстоянии.

Это произошло в три часа ночи. Я внезапно проснулась с каким-то неясным тревожным предчувствием. Евгений лежал тогда в больнице, я днем дежурила у его кровати, на ночь уходя домой. Евгений Александрович устал от больничной атмосферы и просился увести его домой, но для этого нужна была машина, и мы уже договорились с племянником, но не успели...

Чувство тревоги было так сильно, что я хотела бежать среди ночи к нему в больницу, но, во-первых, меня бы в нее никто не пустил в столь неурочный час, а во-вторых, Евгений всегда очень переживал, когда мне приходилось поздно возвращаться домой или куда-то выходить по темноте. В таких беспокойных метаниях прошел остаток ночи, а в шесть часов утра я была уже в его палате. Он лежал один, медсестры около него не было, на мои слова он не отзывался... Я подняла всех врачей и сестричек, Евгения срочно подняли в реанимацию, но вывести из комы уже не смогли.

Наша жизнь складывалась так, что без трудностей и испытаний мы никогда не жили. Оглядываясь на прожитое и спрашиваешь себя: когда же эти трудности закончатся? Наверное, никогда.

В 1970-м году Евгений Александрович перенес тяжелую операцию по поводу опухоли позвоночника. Ее делали в Свердловске, я жила там вместе с ним, ухаживала, даже сдавала для него свою кровь — во время операции возникла нужда в срочном переливании крови, донорской под рукой не оказалось, а у нас с ним — одна группа. Лежали рядышком: я могла видеть, как красной струйкой втекает в него моя жизнь, любовь и сила выздоровления.

После операции Евгению дали вторую группу инвалидности, но он не захотел бросить работу — во-первых, надо было поднимать наших детей (тогда у нашей старшей дочери родились двойняшки), а во-вторых, Евгений накопил большой опыт, великолепно знал законодательство, голова — то у него работала как и прежде, вот только ходил с палочкой.

Спустя несколько лет Евгений вновь попал в больницу — повредил коленную чашечку. В один из дней прихожу я к нему в палату и вижу — вся нога загипсована. Тревожно стало как —

Евдокия Емельяновна Загуменова.

то на душе.

— Ты что, упал? — спрашиваю его.

— Нет, — отвечает.

— Зачем же тебе всю ногу загипсовали?

— Не знаю. Сегодня был консилиум, на нем врачи решили наложить гипс по всей ноге.

Пошла искать врача. Но был уже вечер, все врачи ушли домой, и никто из сестер вразумительно не мог объяснить, зачем была загипсована нога. А мне почему-то очень не хотелось, чтобы муж оставался в таком положении: ему и не повернуться было, да и самой ноге под гипсом было плохо — я это чувствовала. Не долго думая, решила сама снять эти гипсовые оковы, разрежала гипс, освободила ногу, а саму лангету положила на батарею.

На следующий день лечащий хирург, принимавший участие в консилиуме, зашел в палату к мужу и увидел, что его пациент освобожден от гипсовой брони.

— Кто Вам снял ее? — спросил врач.

— Жена, — ответил Евгений

— Она что у Вас, доктор?

— Да нет, просто ей показалось, что мне от гипса будет только хуже.

— И правильно показалось. Я всю ночь не спал, сомневаясь в целесообразности того, что с Вами сделали накануне, и решил сегодня исправить ошибку. А она уже исправлена оказалась. Передайте жене «спасибо», молодец она у Вас.

Вот так и в этот раз мое сердце не подвело. А может, мне помогло и то, что в свое время пришлось ухаживать за ранеными в госпитале.

Я родом из старинного русского села Ульяново, что в Калужской области. В начале XVIII века это, тогда небольшое, поселение на слиянии двух рек было подарено Петром I своему соратнику Брюсу. С тех пор оно разрослось и в начале сороковых годов нашего века насчитывало уже 36 тысяч жителей.

Места наши очень красивы и знамениты. В нескольких десятках километров в одну сторону — Ясная Поляна, в другую — имение Ивана Сергеевича Тургенева, в третью — усадьба князей Оболенских. Да и само село было замечательно своими культурными традициями и внешним обликом.

Все дома в Ульяново строились из камня и в два этажа. В самом селе был красивейший липовый парк и сквер. Как — то в журнале «Октябрь» была опубликована повесть «Опаленная веточка», в которой есть эпизод, описывающий восхищение красотами нашего села русскими солдатами, выходящими из окружения — даже в такой трагической ситуации они не могли не заметить это природное величие. По указанию Брюса в селе была построена удивительная по архитектуре церковь — даже когда мы прятались в ней от бомбежек, то любовались ее сводами, срубленными из толстых бревен одним топором, без использования пилы.

Когда в 1941 году наши войска отступали к Москве, немцы проходили через наше село без боя, вальяжно, почти как на параде — в красивой летней форме, на мотоциклах и велосипедах, сверкающих никелировкой. Самое тяжелое для нас время наступило, когда немцев погнали на запад. Вот тогда и начались бомбежки и обстрелы. Бои в нашей округе были упорными и кровопролитными. Днем село бомбили, ночью — обстреливали из орудий. В светлое время суток лучше было вообще на улице не появляться — кроме тяжелых бомбардировщиков в небе часто появлялась «рама» — двухфюзеляжный легкий немецкий самолет, летающий очень низко над землей и обстреливающий всякого, кто смел высунуть нос. Во время одной из бомбежек моему младшему братишке осколки разорвали в клочья всю шубку, а один из них перебил палец

на руке — пальчик болтался на тонкой полоске кожи, и маме пришлось перерезать эту соединяющую ниточку — все равно обратно было не пришить. А я, выйдя как — то после очередной бомбежки из укрытия, вдруг ступила на что — то студенистое, скользкое; пригляделась — человеческие мозги... Целую неделю не могла после этого ложку в рот взять.

Когда бои на время затихли, получилось так, что одна половина нашего, разделенного речкой, села оказалась на русской стороне, а другая половина — на немецкой. На той стороне остались колодцы, из которых приходилось брать воду и нам, и им. Один колодец назывался Иорданским — самая чистая и вкусная вода была в нем. Около него я пережила один из сильнейших испугов в своей жизни.

С детства я почему — то очень боялась лошадей и всегда обходила их стороной. А тут, когда уже возвращалась с полными ведрами домой, огромный немецкий жеребец — тяжеловоз — существо здоровенное, с густой гривой, длинным хвостом и могучими ногами — начал наступать на меня. Я перепугалась, бросила ведра, а немец — конюх что — то лопочет на своем языке, но удержать коня не может. Домой вернулась без воды, с пустыми ведрами.

Вскоре Ульяново было полностью освобождено, и в нашей школе разместили госпиталь. Прямо на полу была расстелена солома, на которую укладывали наших раненых бойцов — кого без руки, кого без ноги, у кого челюсть оторвана... Ужас! Освещение было самодельное — из жестяных баночек сооружалось что — то наподобие лампадки, и надо было соблюдать большую осторожность, чтобы случайно не задеть эти светильники: солома могла вспыхнуть в мгновение ока. Мы, школьницы, ухаживали за ранеными, как за своими старшими братьями: кормили, поили, подавали лекарства, вытирали сочащийся из ран гной.

Но как бы тяжело не было нам тогда, все же мы жили у себя дома, в своем родном селе. Когда же меня вместе с братом забрали в ремесленное училище — вот тогда мы в полной мере испытали всю тяжесть и трудность военного времени.

Мне было тогда тринадцать лет — маленькая, щупленькая, размер обуви — 33 — й. Нас привезли на станцию Безымянка Куйбышевской области и поселили в бараках, где

до войны содержались заключенные. Огромный барак отапливался одной печкой, было в нем так холодно, что вода замерзала. Моего размера обуви не оказалось, и пришлось носить мужские ватные бурки 39 – го размера. Как – то в осеннюю слякоть эти бурки спали с моих ног и утонули в грязи. Я не знала, как добраться до барака. Хорошо, что у нашего мастера было доброе сердце – он посадил меня на закорки и донес до «дома». На следующий день он пошел искать «утопленников», но вернулся ни с чем. Пришлось мне носить другую обувь, уже 37 – го размера, правда, на одну ногу...

А работали мы на авиационном заводе. Когда нас, подростков, первый раз привели в цех, где клепалась обшивка крыльев самолетов, мы, все заморенные, маленькие, дохленькие, все одинаковые, словно из инкубатора, просто потерялись в этом огромном холодном цехе, в гуле и грохоте клепальных работ. Шум стоял такой, что мы не могли понять, что нам говорит начальник: просто стояли, как дикари, вылупив испуганные глаза. Поняв, что толку от нас на этом участке трудового фронта никакого, начальство решило раскидать нас по другим цехам.

Я работала на станке, производящем заклепки. Нужно было поднимать с пола длиннющие дюралевые полоски, очень тяжелые, закладывать их в станок, следить за тем, как он их рубит на кусочки и прессует заклепки. Шум и в этом цехе стоял невероятный, но зато было теплее – в цехе работала сушилка.

Кормежка была отвратительной: пустая баланда и хлеб. Хлеба на заводе, правда, давали побольше – утром 300 граммов, в обед – 400 граммов, на ужин – 300. Излишки хлеба мы продавали и на эти деньги покупали семечки – они позволяли заглушить постоянное чувство голода.

Среди нас, подростков, согнанных на станцию Безымянка из Воронежа, Смоленска, Куйбышева, Саратова, были и дети из блокадного Ленинграда. Когда их накормили в первый раз этой баландой, у них вздулись огромные животы – я даже не представляла, что такое может быть в природе.

Из – за постоянного холода и недоедания я очень часто болела – простуды следовали одна за другой, иные хвори не давали покоя, стали болеть зубы. Зубной врач принимал прямо на заводе, но надеяться на квалифицированную

стоматологическую помощь не приходилось: из всего арсенала зубоврачебного искусства заводской доктор освоил одно – выдирание. Поэтому когда у меня в очередной раз возникал флюс, то я уже мысленно прощалась с очередным зубом. Так я лишилась почти всех передних зубов.

В общем, когда я вернулась из ремесленного училища домой, к маме, она, увидев меня, упала в обморок – вместо ее любимой дочери перед ней предстало тощее, беззубое и почти лысое существо: стирали и мыли голову мы глиной, предварительно растворив ее в воде – мыла нам давали маленький кусочек. Поэтому мои роскошные, заплетенные в тугие косы волосы, почти все выпали.

Евгений Загуменов, предвоенное фото.

С будущей женой Евгений Загуменов познакомился в селе Ульяново, куда дислоцировали воинскую часть, в которой Евгений проходил армейскую службу.

Родившийся в деревне Ново – Никольское Агрызского района Татарии, будучи сыном убитого председателя колхоза, Загуменов ушел на фронт в годы Великой Отечественной войны из Ижевского педучилища. Благодаря своему красивому почерку и знанию учетного и бухгалтерского дела, он проходил службу при штабе. После окончания войны армейская жизнь для Евгения Загуменова продолжалась еще несколько лет.

Как – то, проезжая на машине по селу

*Глава семейства
Загуменовых,
председатель колхоза,
убит врагами
большевиков.*

Эта церковь спасала от бомбежек.

Солдатская служба Евгения. Фото сосрковых.

Ульяново, Евгений увидел на обочине стайку местных девушек, и взгляд его остановился на одной из них — с длинными косами, в малиновой кофточке, черной юбочке. Этот образ врезался в душу молодого солдата, и когда в липовом парке он случайно встретился с этой девушкой, то захотел непременно познакомиться. Но получил решительное «нет».

— У меня в то время уже был парень, — рассказывает Евдокия Емельяновна. — Он был дружен со всеми моими домашними, часто помогал по хозяйству, колол дрова, мог посидеть с грудным ребенком моей старшей сестры. Так как его отец был военкомом, то сыну его было естественно пойти по стопам отца: он поехал учиться в военное училище. Перед нашим расставанием он наказывал мне не знакомиться с чужими молодыми людьми:

— Они могут обидеть тебя, — говорил он.

При первой встрече с незнакомым молодым солдатом в парке Евдокия узнала, что его также, как и ее парня, зовут Женей, но дальше этого общение не пошло — девушка сразу же сказала новому знакомому, что ни о каких встречах, разговорах и речи быть не может, что у нее есть уже парень, он ее очень любит, а она обещала ждать его возвращения из училища.

Но на следующий день старшая сестра Евдокии, возвращаясь после работы в школе домой, встретила у ворот своего дома незнакомое солдата.

— Что это за парень в армейской форме увивается у нашего дома? — спросила сестра Евдокию.

Девушка выглянула в окно и увидела Женю.

— Ты зачем пришел? — резко спросила Евдокия настырного парня. — Я же сказала, что не хочу встречаться с тобой, и что лучше за мной не ходить.

— Делай и говори что угодно, — ответил ей Евгений, — но ты мне очень нравишься, и я сделаю все, чтобы добиться твоего внимания и любви.

И через несколько дней в дом Евдокии стали регулярно приходить два молодых солдата, одним из которых был Евгений Загуменов. Причина и оправдание этих визитов заключалась в следующем: младший брат Евдокии, только что закончивший десятый класс, подружился с одним

молодым военным из штаба, который увлекался живописью. А в семье Евдокии сохранилась хорошая коллекция дореволюционных художественных открыток — очень ярких и красивых. Вместе с большой библиотекой, собранной несколькими поколениями родственников Евдокии, включавшей в себя собрания сочинений классиков русской литературы, изданных еще в XIX веке, эти открытки во время оккупации были схоронены в земле и поэтому благополучно пережили военное лихолетье. Правда, часть библиотеки после извлечения из земли оказалась безнадежно испорчена, но остальное было в целости и сохранности. Узнав об этой уникальной коллекции открыток и книг, солдат попросил разрешения у брата Евдокии познакомиться с ней поближе, а кое-что и перерисовать. Этот солдат — художник оказался близким другом Евгения Загуменова, и когда последний узнал о визитах его товарища в дом приглянувшейся ему девушки, то не мог не воспользоваться предоставившейся возможностью — под предлогом того, что его очень заинтересовала библиотека, Евгений стал входить в дом Евдокии как товарищ друга брата, художника.

За книгами и открытками солдаты засиживались до позднего вечера, вызывая в душе Евдокии только одно чувство — скорее бы они ушли: и спать хотелось, и ощущалась неловкость от двусмысленности положения.

Как — то в Ульяново приехала театральная труппа из Калуги с постановкой пьесы Шиллера «Коварство и любовь». Евдокия с нетерпением ждала начала спектакля, заранее пришла в клуб, чтобы занять свое место и... с удивлением обнаружила в соседнем кресле Женю. Как он умудрился купить билет рядом с ней?! В смущении оглянулась девушка по сторонам и — о, ужас! — увидела, что за их с Евгением спинами садятся военком, отец другого Жени, и его жена! Не дай Бог, напишут своему сыну, что его девушка встречается с другим и даже ходит вместе с ним в клуб!

Евдокия стремительно встала и выбежала из зала. На удивленные расспросы мамы девушка рассказала дома все как есть, а когда на следующий день военком с женой зашли к ним и как бы между прочим осведомились о том, что это за солдат сидел рядом с Евдокией в клубе и почему она так внезапно ушла, не дождавшись даже начала спектакля, девушке пришлось сказать,

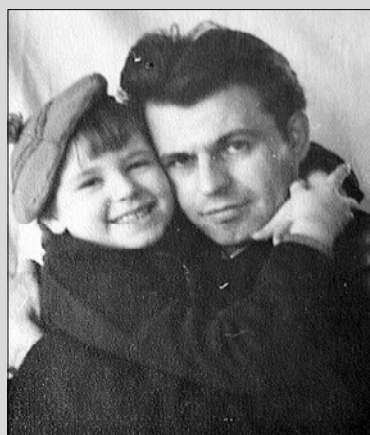
что этого солдата она не знает, а ушла потому, что заболела голова.

Через некоторое время Евдокия узнала о новой напасти — в нее влюбился и друг Евгения, художник. Дело между ними чуть до драки не дошло. Пожалела тогда Евдокия Женю: они стали встречаться, подружились, а потом и поженились. Евдокия не смогла пойти в сельский загс, и Евгений привел работницу загса домой, чтобы расписаться.

Только что отгуляли на свадьбе.

В 1951 году Загуменов был демобилизован из армии, и встал вопрос о переезде молодой семьи на родину мужа. Мама Евдокии испугалась за судьбу своей дочки — вдруг обидят ее на чужбине, обманут, бросят? К тому времени у четы Загуменовых родилась уже дочь Люся, и Евдокия была так уверена в своем муже, что сумела и мать свою убедить в его надежности, честности и порядочности. Их отпустили с миром.

Первый ребенок, Люся.

Первое время на новом месте молодой семье пришлось несладко: не было ни жилья, ни приличной работы. Несколько месяцев прожили в Ново — Никольском у свекрови. Евдокия Емельяновна с теплотой вспоминает о ней.

— Удивительной доброты была женщина, — рассказывает Евдокия Емельяновна. — Обычно отношения свекрови и невестки складываются сложно, но у нас все было по-иному. Понимая, как не просто приспособиться мне к новому укладу жизни, к новому месту, свекровь освобождала меня даже от работы по дому. Утром встану, а в избе все уже чисто прибрано, завтрак в печи. Выйду на улицу чтобы снег разгрести или иное что по хозяйству сделать — все уже сделано свекровью. Когда вечером возвращается она с колхозных работ домой, и я начинаю укорять ее в том, что оставляет меня без работы, она грустно отвечает:

— Нароботаешься еще, милая, жизнь длинная...

Евгений Загуменов не смог найти службу рядом с родительским домом, и они с женой и дочкой вынуждены были искать свое место в жизни в Ижевске. На молокозаводе семье Загуменовых выделили квартиру в двухэтажном деревянном доме на улице Сивкова. С этим домом у Евдокии Емельяновны связано одно из первых впечатлений об Ижевске — на крыльце их встретила пьяная старушка, смачно поющая похабные частушки. В краях, где родилась и выросла Евдокия, пьяная женщина — явление почти сверхъестественное, а тут еще и частушки матные поет...

Трудно было обживаться на новом месте, — рассказывает Евдокия Емельяновна. — Когда въехали в квартиру, у нас даже мебели не было, даже обед не на чем было приготовить и подогреть. Муж получал 500 рублей в месяц, а вечером уходил еще в вечернюю школу — заканчивал свое среднее образование. А тут еще выяснилось, что я снова беременна.

Через несколько месяцев у нас родился мальчик, очень похожий, как мне показалось, на мужа. Но я даже не покормила его ни разу — он умер вскоре после рождения. Я ждала его в палате чтобы покормить, а тут заходят и спрашивают:

— Куда положить?

— Чего положить? — не поняла я.
— Ваш мальчик умер, куда положить его трупик?..

Мы похоронили его на кладбище у «Нефтемаша».

В отделе кадров молокозавода муж проработал не долго — потом была работа на механическом заводе, затем — инструктором в Пастуховском райкоме партии. Наш быт стал понемногу налаживаться, уже была куплена плита, мебель, маленький диванчик... Когда вечером я засыпала на нем, то муж не будил меня, а тихо брал на руки и уносил на кровать. Если утром он просыпался раньше меня, то никогда не будил: тихонько согреет чаю и уйдет на работу. А когда приходил домой — обязательно поцелует.

В Саратовском юридическом институте, на работе в колхозе (второй справа).

В 1956 году секретарь райкома пригласил Евгения Загуменова к себе в кабинет и предложил ему поехать на учебу в Саратов, в юридический институт — единственную путевку, пришедшую в этом году на район, хотелось отдать в руки хорошо зарекомендовавшему себя в деле молодому инструктору.

— Как же я семью оставляю? Жена с дочкой сидит дома, ни садика, ни работы...

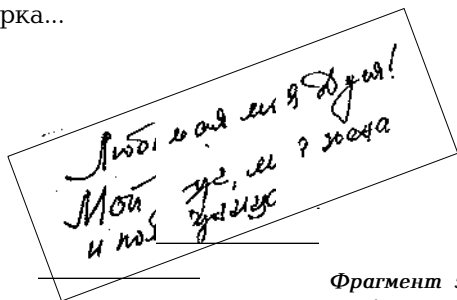
— Не беспокойся, — ответил секретарь райкома, — дочку устроим в садик, жене поможем найти работу. А тебе нужно расти дальше, учиться.

— Четыре года муж проучился в Саратове, — рассказывает Евдокия Емельяновна. — Мне

все говорили, что опасно так надолго отпускать мужа от себя — могут увести. Но я почему — то верила ему — у меня просто не было повода сомневаться в его чувствах и верности. Институт Евгений Александрович закончил с отличием и в 1960 году вернулся домой. У нас родилась вторая дочь Марина — тут уж он совсем закружил меня в своей заботе и внимании: очень любил он двух своих девочек.

После окончания Саратовского юридического института Евгений Александрович стал работать в прокуратуре, я же всю свою жизнь проработала в ателье — шила женское платье. Работа в те времена была непрестижная, но у своего начальства я пользовалась уважением, а несколько моих работ даже попали за границу — во Францию, Чехословакию и Америку. Вообще, если честно, то мне никогда не нравилось то, что приходилось покупать нашим советским женщинам в магазинах. Поэтому себе я старалась шить сама, используя модели иностранных, чаще всего английских, журналов. И я, и мой муж любили ходить в театры, и когда на премьере я появлялась в новом платье или костюме, все обращали на нас внимание.

А еще он очень любил читать. К сожалению, времени на чтение у него было очень мало — на работу в прокуратуру он уходил к восьми утра, а приходил иногда в одиннадцать вечера. Звонит ближе к ночи из своего кабинета и извиняется — говорит, что задержится, что надо над делом одним поработать: когда не было пишущей машинки под рукой, он переписывал дела от руки. Но когда настало время пенсионное — вот тогда его от чтения было не оторвать! Читал, записывал что — то в тетрадку, конспектировал и постоянно просил кофе заварить. Мы смеялись над ним — словно Бальзак какой — то! С годами зрение стало подводить его, но он читал и записывал до самого последнего своего дня, хотя записки эти уже было трудно разобрать из — за понятного только ему почерка...

Фрагмент записки из больницы.

Дневниковые записи и выписки из прочитанных книг, сделанные Евгением Александровичем в последний год своей жизни.

Вдова Евгения Александровича Загуменова, Евдокия Емельяновна, передала нам толстую тетрадь, в которую ее муж выписывал понравившиеся цитаты из прочитанных книг...

Рассказывая о своем муже Загуменова Евдокия Емельяновна поведала о том, что Евгений Александрович настолько погружался в дела, которые он вел в прокуратуре, что иногда у него возникала потребность делать выписки из следственных материалов, чтобы составить ясную и полную картину происшедшего. Эта привычка помогла ему в дальнейшем, когда, выйдя на пенсию, Евгений Александрович погрузился в серьезную литературу.

Поражает разброс книг, которые читал Загуменов. Показалось важным составить их список в том порядке, в каком они конспектируются в тетради.

- 1) Гиляровский Владимир Алексеевич. «Москва и москвичи».
- 2) Расул Гамзатов. Сочинения в двух томах.
- 3) С.Т.Коненков. «Мой век». (Воспоминания знаменитого русского скульптора.)
- 4) Б.Н.Александровский. «Из пережитого в чужих краях». (Воспоминания русского врача-эмигранта, прожившего в Париже более 20 лет.)
- 5) К.А.Мерецков. «На службе народу». (Воспоминания маршала, Героя Советского Союза)
- 6) В.Красильщиков. «Интендант революции». (Книга о наркоме А.Д.Цюрупе.)
- 7) Н.А.Римский-Корсаков. «Летопись моей музыкальной жизни» (книга издана в 1910-м году.) (Воспоминания русского композитора.)
- 8) Я.Ивашкевич. «Шопен». (О великом польском пианисте и композиторе.)
- 9) Гладилин. «Евангелие от Робеспьера» (О французском революционере.)
- 10) Негритянская поэзия США. 20-й век.
- 11) Василий Федоров. Стихи, поэзия.
- 12) С.Розенфельд. «Повесть о Шалапине».
- 13) Сергей Смирнов. «Свидетельствую сам». Поэма.
- 14) Стихотворение Ф.И.Тютчева К.Б. («Я вспомнил вас — и все было...»)

- 15) Стихотворение «Вечерний звон» (у Загуменова автор не указан, но, кажется, это Иван Козлов.)
- 16) «Писатели рассказывает о науке» (сборник статей.)
- 17) Дэвид Вейс. «Возвышенное и земное». О жизни Моцарта.
- 18) Генрих Бебель. Избранное.
- 19) Стихотворение А.Н.Апухтина «Ночи безумные, ночи бессонные...»
- 20) Стихотворение М.Цветаевой (не разобрать текста)
- 21) К.Валишевский. «Вокруг трона» (рассказ—быль) (перевод с французского, издание 1909—го года.)
- 22) Сборник: Полководцы и военачальники Великой Отечественной.
- 23) В. Шалагинов. «Защита поручена Ульянову». (О работе Ленина в качестве помощника присяжного поверенного в г. Самаре в 1892—1893 гг.)
- 24) В.Мезенцев. «Когда появляются призраки». (О таинственных и паранормальных явлениях в природе и человеческой психике.)
- 25) Черняк. «Химеры старого мира». Из истории психологических войн.
- 26) Стихотворение Давида Кугультинова «Дальние сигналы».
- 27) Стихотворение Андрея Вознесенского «Женщина в августе».
- 28) Несколько стихотворений Афанасия Афанасьевича Фета.
- 29) Валентин Пикуль. «Пером и шпагой». (Исторический роман.)
- 30) Эрнест Хемингуэй. «По ком звонит колокол». Роман.
- 31) Сборник: «Из поэзии народов СССР».
- 32) В.И.Казаков. «Артиллерия, огонь!» (Воспоминания маршала Советского Союза.)
- 33) Джером К.Джером. «Трое в одной лодке».
- 34) Николай Доризо. Сборник стихов «Разные судьбы».
- 35) Евгений Воробьев. «Земля, до востребования». (Роман о жизни и подвигах советского разведчика полковника Маневича.)
- 36) Гривадей Горпожакс (псевдоним Горчакова, Поженина, Аксенова). «Джин Грин — неприкасаемый».
- 37) Мельников, Решетников. «Современная французская криминология».
- 38) Уэллс. «Павлов и Фрейд».
- 39) Антуан де Сент—Экзюпери. «Планета людей».
- 40) А.Жариков. «Черняховский». (О маршале Советского Союза.)
- 41) Арский. «Перикл». (О великом государственном деятеле Древней Греции.)
- 42) М.Беленький. «Спиноза». (О жизни и трудах голландского философа.)
- 43) В.Понизовский. «Ночь не наступит». (О революционерах—ленинцах.)
- 44) Сборник средневековых поэтов Средней Азии: Рудаки, Фирдоуси, Ибн Сины, Гургани, Хафиз.
- 45) Сергей Островой. Сборник стихов.
- 46) Арнольд Якоби. «Сеньор Кон—Тики». (О путешествиях Тура Хейердала.)
- 47) С.Наровчатов. «Атлантида рядом с тобой». (Критический разбор современной прозы и поэзии.)
- 48) Стихотворение Ивана Мятлева «Как хороши, как свежи были розы...»
- 49) В.И.Ленин. «Материализм и эмпириокритицизм» (ремарка Загуменова: «прочел вторично»).
- 50) Мустай Карим. Стихотворения.
- 51) Иоганн Вольфганг Гете. «Фауст», «Страдания молодого Вертера» и др.
- 52) Сборник: Герои Гражданской войны.
- 53) Сергей Залыгин. «Южно—африканский вариант». Роман.
- 54) Рыклин. «Если память мне не изменяет». (Воспоминания).
- 55) Л. Толстой. «Круг чтения». (книга издана в 1911—ом году).
- 56) Давид Кугультинов. Книга стихов «Возраст».
- 57) «Рассказы, освежающие разум и изгоняющие печаль». Древнесирийская литература.
- 58) Стендаль. «Жизнь Наполеона».
- 59) Стихотворение Евгения Евтушенко «»Застенчивые» парни».
- 60) Проспер Мериме. «Хроники царствования Карла IX». Новеллы.
- 61) И.А.Бунин. Избранные сочинения.
- 62) Джон Диксон Карро. «Табакерка императора». Детектив.
- 63) Л.А.Кербер. «Ту — человек и самолет». Повесть о А.Н.Туполеве.
- 64) Е.Евтушенко. «Интимная лирика».
- 65) Андрей Вознесенский. Избранные стихотворения.
- 66) Сборник: «Поэзия и проза Древнего Востока».
- 67) Семанов. «Макаров». (из серии ЖЗЛ) (О русском адмирале).
- 68) Сборник: «Древнееврейская литература».
- 69) А.М.Василевский. «Дело всей жизни». Воспоминания. (Мемуары маршала Советского Союза).
- 70) А.П.Чехов. Письма.
- 71) Жорж Санг. «Мопра», «Орас». Романы.
- 72) Герман Мелвил. «Моби Дик». Роман.
- 73) И.Гаси (болгарский философ). «Эссе — литературно—философские этюды».
- 74) Ф.де Ларошфуко, Б.Паскаль, Ж.де Лабрюйер. Избранное.
- 75) Б.Бродский. «Связь времен». (Исторические эссе о городах мира.)
- 76) Ю.Давыдов. «Март». (Роман о «народовольцах».)
- 77) А.И.Герцен. «Былое и думы».
- 78) Петряев. «Люди, рукописи, книги» (О Вятском крае.)
- 79) Сборник: «Фронт без линии фронта». Под редакцией многих авторов.
- 80) В.В.Колотов. «Николай Алексеевич Вознесенский». (Биографическая книга о государственном и партийном деятеле.)
- 81) Семенов. «Степь ковыльная».
- 82) В.Тевакелян. «За Москву—рекой». Роман.
- 83) Девид Стори. «Такова спортивная жизнь».
- 84) Л.Леонов. «Русский лес». Роман.
- 85) Вергилий. «Энеида».
- 86) Ф.М.Достоевский. «Братья Карамазовы».
- 87) «Европейские поэты Возрождения». (Книга из серии «Библиотека всемирной литературы».)
- 88) Ф.М.Достоевский. «Скверный анекдот». Рассказ.
- 89) В.Солоухин. «Приговор» или «лирический репортаж». Повесть.
- 90) Л.Зыкина. «Путь к песне». (Воспоминания известной певицы.)
- 91) А.Твардовский. «Теркин на том свете». Поэма.

- 92) С.Дангулов. «Кузнецкий мост». Роман. (О дипломатах и их работе в 1939–1945 гг.)
 93) Вагим Шефнер. Стихотворный сборник «Цветные стекла».
 94) Г.Э.Лессинг. Избранное.
 95) «Арабская поэзия средних веков».
 96) А.Калинин. Повести.
 97) В.Цветов. «Черная магия Мацуситы». (Книга известного международного обозревателя о руководителе крупного японского концерна.)
 98) Ю.Шаврин. «Суровый наказ выполняю...» (Стихи Воткинского поэта, в 22-летнем возрасте погибшего на войне.)
 99) Б.Кежун. Пародии.

(Эпиграф. Две записи на титульном листе.)

Умом Россию не понять,
 Аршином общим не измерить!
 У ней особенная стать –
 В Россию можно только верить.

1866

Ф.И.Тютчев (1803–1873)

«Человек рождается на страдания и стораает, как искра, устремляясь вверх».

Из книги «Беринг и его грузья».

(вложена газетная статья о Ф.Э.Дзержинском «Пламенный борец за коммунизм» («Правда», 8.10.1977). Автор: С.Хромов. Доктор исторических наук. Показались любопытными следующие кусочки)

На вопрос анкеты для делегатов X съезда партии: «Какие знаете специальности?» Дзержинский ответил: «Революционер и только».

В последней речи на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК 20 июля 1926 года – за три часа до своей внезапной кончины – Феликс Эдмундович, горячо отстаивая ленинскую генеральную линию партии, произнес слова, которые наилучшим образом отразили суть его кристально чистого облика – революционного борца, стойкого ленинца, любимца партии и народа: «А вы знаете отлично, моя сила заключается в чем? Я не щаю себя... никогда (голоса с мест: «правильно»). ...Я никогда не кривлю своей душой; если я вижу, что у нас непорядки, я со всей силой обрушиваюсь на них».

(на отдельном листе)

«Любить – это значит не смотреть друг на друга, а смотреть вместе в одном направлении».

А. де Сент-Экзюпери.

Гиляровский Владимир Алексеевич. «Москва и москвичи».

Влетает в кабак оборванец, выпивает стакан водки и хочет убежать, его задерживают половые, вызывают городского – важного, толстого. Узнав в чем дело он плюет, уходя ворчит: «Из-за пятака правительство беспокоить!»

С.Т.Коненков. «Мой век». (Воспоминания известного скульптора.)

Факт из жизни Микеланджело.

Церемониймейстер, сопровождая папу Павла III при просмотре негдописанного «Страшного суда» (на фресках Сикстинской капеллы), заметил, что такую картину уместнее повесить в трактире.

Микеланджело по памяти нарисовал его (церемониймейстера) и поместил в агу в образе Миноса.

На мольбы церемониймейстера Павел III сказал: «Вы знаете, мессер Бьяджо, что я получил от Бога полноту власти на небе и на земле, но в агу я не имею никакой силы, поэтому там уж и оставайтесь».

Б.Н.Александровский. «Из пережитого в чужих краях». (Воспоминания русского врача-эмигранта, прожившего в Париже более 20 лет.)

Почему вы, русские, все толкуете о том, что было давно, а не интересуетесь тем, что происходит сейчас?

Почему вы чуть не каждый день шляетесь груг к гругу в гости без всякого к тому повода, тогда как приличные люди приглашают гостей или сами ходят в гости два–три раза в год?

Почему, зарабатывая 500–600 франков в месяц вы ухитряетесь прожить 700 или 800, тогда как все уважающие себя люди прячут в «чулок» половину зарабатываемых в месяц денег?

Почему вы завтракаете и обедаете когда придется, в то время как все приличные люди при всех обстоятельствах садятся за завтрак в половине первого, а за обед в половине восьмого вечера?

Почему... почему... почему...

М.Б.Толсон. «Бывший судья в баре» (Из сборника «Негритянская поэзия США. 20–й век.»)

Закон как пес: он к одному неумолим,
 На задних лапках семенит перед гругим.

Пословица: «Мысли воробья не дальше мякины».

«О государстве судят не только на основании законов, по которым оно живет, но и по людям, которые им управляют».

(Источник Загуменовым не указан)

«Из старой арабской сказки:

Джин обещал юноше исполнить любую его просьбу. Юноша пожелал страстной любви всех женщин и радостно выбежал на багдадские улицы.

Он тут же был схвачен и помещен в темницу. Над ним склонилась старая, отвратительная старуха, обуреваемая к нему страстью. Она его, как сокровище, держала 10 лет, никого не подпуская.

Вырвавшись, юноша заклился нравиться всем без разбора».

Из книги С.Наровчатова «Атлантида рядом с тобой».

«Наша тяга к детективу объясняется тем, что в каждом из нас дремлет правонарушитель».

Карел Чапек.

Из книги Льва Толстого «Круг чтения», издания 1911–го года.

«Из двух встречаемых я найду двух учителей. Доброму буду подражать, а глядя на плохого буду стараться исправить себя».

Китайская мудрость.

«Если один человек победил тысячу раз тысячу людей в сражении, а другой победил себя — он победил больше»

Дхаммапада.

«Жизнь можно считать сновидением, а смерть пробуждением».

Артур Шопенгауэр.

«Я вижу всюду заговор богачей, ищущих своей собственной выгоды под именем и предложением общего блага».

Томас Мор.

«Малые страдания выводят нас из самих себя, великие же возвращают нас самим себе. Треснувший колокол не звенит, разбейте на две части — уже чистый звук».

Ж.П.Рихтер.

«Благодарение Всевышнему, что нужное он сделал нетрудным, а трудное — ненужным»

Сковорода.

«Помни, что ты не живешь в мире, а проходишь через него».

Л.Толстой.

«Мудрый человек требует всего только от себя; ничтожный — всего от других».

Китайская мудрость.

«Есть одна только врожденная всем ошибка — это убеждение, будто мы рождены для счастья».

А.Шопенгауэр.

«Весь мир и все в мире прекрасно, но самое прекрасное в мире — это добродетельная женщина».

Магомед.

К Бернарду Шоу пригласили врача:
— К сожалению, я не чюдотворец — не могу омолодить Вас, — сказал после осмотра доктор.
— Я не хочу, чтобы Вы меня омолаживали, — ответил Шоу. — Я хочу просто иметь возможность стареть и дальше.

(источник этой истории Загуменовым не указан)

«Закон — глашатай Бога».

«Если ты сначала сделал ближнему добро, а затем — зло, то его ненависть превысит благодарность».

«Некто сказал: «Пока слово не произнесено, оно — узник того, кто собирается его произнести, когда же слово сказано, его пленником становится тот, кто произнес его».

«Некто сказал: «Блажен тот, кто занят исправлением собственных пороков и не тратит времени на подсчеты чужих грехов».

(4 предыдущие цитаты — из книги «Рассказы, освежающие разум и изгоняющие печаль».)

(В конце цитат из этой книги написано Загуменовым следующее:

«Как я приобрел эту книгу? Зайдя в магазин «Книги», я увидел, что один молодой человек сдает в букинистический отдел много книг. Я подошел и взял первую попавшуюся. Оказалась — «Рассказы, освежающие разум и изгоняющие печаль». Она мне понравилась. Продащице говорю: «Эту книгу я беру». А она мне отвечает: «Нет, эту книгу беру я». Мы повздорили: я в шутку, она в серьез. Психанув, продащица сказала: «Берите!», — и убежала. Я взял. Но очень переживал за девушку.»

И.А.Бунин. Избранные сочинения.
(Переписано много стихов. Показались интересными короткие записки Загуменова о двух рассказах. Вот они):

Рассказ «Мухи». Больной крестьянин третий год лежит в постели: ноги высохли. Остается дома один, кругом рой мух. Вот он их и бьет.

Рассказ «Чистый понедельник». Девушка, отдавшись, ушла в монастырь. Как поэма.

«Табакерка императора» Джона Диксона Карро. Детектив зарубежный, с претензией на раскрытие преступления с помощью выводов, построенных на психической жизни человека. Больше сказать нечего. (последнее предложение подчеркнуто.)

(далее — текст без указания автора и книги. Возможно, это афоризм самого Загуменова:

До 40 лет лицо человека — лицо его родителей. После он делает лицо сам.

(выписки из книги: «А.П.Чехов. Письма»):

Моя смертная тоска — от одиночества. Свободы хочется и денег. Денег, денег!

Эти упрямые мужики всегда хватаются за великое, потому что не умеют творить малое.

Я того мнения, что истинное счастье невозможно без праздности. Мой идеал: быть праздным и любить полную девушку.

Надо жениться. Быть может, злая жена сократит число моих гостей хоть наполовину.

...уйти от старой жены так же приятно, как вылезти из глубокого колодезя.

В семейной жизни самый важный винтик — это любовь, половое влечение, едина плоть; все остальное ненадежно...

Если теперь нехорошо, если настоящее несимпатично, то прошлое было прожито гадко.

Я очень боюсь речей. Я становлюсь несчастным и меня тянет под стол.

Добрых людей много, но аккуратных и дисциплинированных совсем, совсем мало.

(в конце выписок из писем Чехова есть несколько предложений, помеченных Загуменовым: «мое». Вот гословно: «Письма прелесть. Его болезнь я понимаю, скитание в поисках здоровья! Горестная немощь, когда так необходимо было быть здоровым. 20.07.1974 (сняли гипс, нога совсем не держится, не хорошо) Купил этот томик на рынке, у продавца Буровой (Балезино), дал задаток один рубль за предыдущий том, выйдет ли?)

(гословно):

Жорж Санг (Аврора Дюдеван). Прочитал в «Известиях», что ее томик на одесском рынке продается по баснословным ценам — не понимаю ее никак. Ранее читал «Индиану», сейчас прочел «Мопра» и «Орас» — все равно не приемлю. Понравилось лишь одно:

«Честность умирает, когда продается».

«Война слишком серьезное дело, чтобы доверять его генералам»

Из газет.

Герман Мелвил. «Моби Дик». Американский писатель, забытый писатель. Не понят. Сейчас признанно, что «Моби Дик» — лучший роман.

Это роман о Человеке и Человечестве.

«Из всех орудий, которыми люди пользуются под луной, чаще всего приходят в негодность люди».

«Среди смертных нет больших тиранов, чем умирающие».

«За одно мгновение великие сердца подчас переживают в острой муке всю ту сумму мелких страданий, которые у слабого человека бывают милосердно растянуты на всю жизнь».

Из книги И.Гаси «Эссе — литературно-философские этюды».

«У вас в душе недостаточно хаоса, чтобы подобно Богу сотворить свой мир».

«Хорошие книги созданы для тех, кто юн душою».

«Старики потому так любят давать хорошие советы, что уже не способны подавать плохие примеры».

В должности старшего следователя прокуратуры.

В своем рабочем кабинете.

*Коллеги:
В.М.Походин и
Е.А.Загуменов.*

Главной трибуной в жизни была лишь сама Жизнь.

Центральный аппарат прокуратуры в 60 годы.

«Труднее хранить верность той женщине, которая дарит счастье, нежели той, которая мучает».

«Ум у большинства женщин служит не столько для укрепления их благоразумия, сколько для оправдания их безрассудств».

«Жизнь — это то, что люди больше всего стремятся сохранить и меньше всего берегут».

«Большинство людей лучшую пору жизни употребляют на то, чтобы сделать худшую еще более печальной».

Ф.де Ларошфуко.

«Если бы небо было белой бумагой, море — чернилами, а бесчисленные звезды перьями, то и тогда невозможно было бы описать все вероломство женское».

Иоанн Златоуст.

«Скульптура — от куска мрамора отсекается все лишнее».

Пракситель.

(далее дословно «дневниковые» записи Загуменова):

Нога в гипсе. Порой находит хангра. Думы об атрофии рук. Сила в них вроде бы есть, но они стали худеть; видно по ремешку часов — сделал новую дырку! ..., страшен.

Читаю, читаю. Одолею «Русский лес» Леонова. Точнее — думал одолеть, но при чтении я уже наслаждался глубиной мыслей, великой любовью к лесу, грандиозностью привязанности к нему, непоколебимости усилия в выборе пути!

Какая-то грамматическая поэма о лесе. Хорошая книга. Много мыслей, афоризмов.

(Много выписок из романа Ф.М.Достоевского «Братья Карамазовы». Они занимают шесть страниц. В конце приписка): «Роман Федор Михайлович — труг своей жизни — окончил за три месяца до смерти.

Написан густо. Мысли, мысли. Мысли движут поступки, мысли движут жизнь. Никакого описательства.

Роман принес чувство возвышенного, не покидала взволнованность. Я просто обогатился. Да. 11.02.1975».

(запись после выписок из романа Ф.М.Достоевского «Игрок»): «Показана страсть, всепоглащающая, которая охватывает игрока во время игры. ГЕНИАЛЬНО!»

23.02.1975.

Сегодня День Советской Армии. Нога в гипсе. Хочется на воздух. Очень хочется общения с людьми.

Вчера 4.03.1974 был на приеме у врача. Сняли гипс, но рентген показал что-то. Вновь наложили гипс, но стопу освободили, поэтому можно будет немного гулять во дворе. Сил в ноге совершенно нет.

Залпом прочитал в журнале «Москва» 1 за 1975 год повесть В.Солоухина «Приговор» или «лирический репортаж». Я бы сказал — психологическое исследование человека, оказавшегося в положении, когда неожиданно возникла опасность смерти.

(среди выписок встретилась ремарка Загуменова): Высказывание автора о том, что не нужно говорить «помилуй», «помоги, господь» и т.д., а говорить «благодарю» — не убедительно.

(в конце выписок из повести В.Солоухина): Читается и воспринимается как голая, неприкрашенная правда о состоянии и поведении больного.

Интересно — думается не о том, что еще не сделал и где не побывал, а главное — думается о прошлом, что этого уже повторить нельзя!

«Человек начинает понимать жизнь с той самой минуты, как он начинает думать о смерти».

Л.Толстой.

Вадим Шефнер. «Цветные стекла». Ленинградский лирический поэт, есть очень поэтические вещи и строки, крупницы, изюминки. Читается,.. иной раз хочется перечитывать.

Вчера сняли гипс. Ощущение беспомощности. Слабость в ноге дикая, не гнется, наступать опасно,

грожит, боли.

Домой шел с костылем. Встретились: Курсаков, И.А., Конгрецов, И.И., поболтали. Они спешили. Мне было неудобно от людей за свою немощь.

Сегодня в ноге силы больше, но не сгибается. Принимал 20 дней по 002 грамма «Мумие» с пятидневным перерывом, считаю – на общий тонус подействовало это положительно. Чувствую бордрость и силу в теле.

Но – к Шефнеру:

За мигом миг,

за шагом шаг

Впадите в изумленье.

Все будет так – и все не так

Через одно мгновенье.

(Писатель Пришвин говорил, что освобождение наступает через удивленность.)

22 Марта 1975 года.

Вот уже четвертый день, как сняли гипс. Хожу, гуляю по 1–1,5 часа два раза в день при хорошей погоде.

Ноги порой еле держат тело, дикая слабость, при поворачивании ноги – боли. Гнется в колене плохо. Принимаю ванны, стараюсь форсировать движение в колене. Как–то это скажется на основной моей...

Читал – правда, немного – Лессинга.

Давно не писал. (подчеркнуто)

В травмпункте ремонт, отпущен на поиски массажистки и врача самостоятельно. По рекомендации Т.И.Баб–виной принят в физкультурный лечебный госпансер. Лечусь.

Врач в травмпункте Аврора А. за все время пребывания на учете с 4.02.1975 до сегодняшнего дня рукой до моей ноги не дотронулась. Врач в ВФД пока тоже не смотрел.

Массажист гладит, физкультурник дает место за ширмой, как хочу, сколько хочу занимаюсь.

Странно меня лечат, сам про себя думаю. Разработал до 120 градусов – мало. Сегодня расстроен результатами.

В конце марта прошел все магазины в целью покупки книг – нашел очень немного, но все–таки приобрел почти на 10 рублей.

Из них:

«Арабская поэзия средних веков».

Просмотрел всю. Впечатление – сплошное уныние, даже неприятно читать. Никакая звездочка не светит. Однообразно до тошноты. Зачем нужна унылая книга?

Дочитал Л.Зыкину «Путь к песне».

После того, как лично здесь в Ижевске в 1974–м году прослушал ее концерт, стал истинным поклонником ее большого таланта. Ранее подгавался

Заседание.

взглядам, не разделяющим ее талантливость.

Вчера смотрел детскую сказку по фильмоскопу «Семь Агафонов». О семи глупых братьях, ушедших из дома искать счастье. Из–за их глупости постоянно они попадали в различные истории. Когда у них сломалась оглобля, они срубили березу, но она оказалась коротка для оглобли. Ничего другого не придумав, они, взявшись за концы, стали ее растягивать.

Иной раз наше поведение очень напоминает усердие семи Агафонов по сжатию (укорачиванию) березовой дубинки – преступности. Это когда нужно, чтобы было снижение.

Порой когда бывает нужен рост преступности – мы ее тянем и растягиваем.

«Стремление казаться, а не быть отличает неинтеллигентность».

«Понятие интеллигентности не столько образовательное, сколько нравственное».

(тетрадь заканчивается такой записью):

Притча (из какого–то фильма).

При каждом дурном поступке сына отец вбивал гвоздь в доску. Когда отец умер, сын решил исправиться. После каждого своего доброго дела он вынимал из доски по одному гвоздю. И так постепенно сын вынул все гвозди.

Как будто бы все восстановил, но... доска оказалась уже трухлявой и рассыпалась. Так и душа наша... – не восстановима.

